

Глава 12. Любители нажить неприятностей

Неслыханная дерзость! Каждому из этих изнеженных барчуков за спиной покровительствовала влиятельная родня; каждый привык помыкать другими и не терпел возражений. Стоило ли удивляться, что надменность Линь Лана уязвила их до глубины души?

Завязалась потасовка. Пусть числом противники и превосходили, против Линь Лана с его верным слугой Линь Цинем у них не было ни единого шанса. Оба они владели боевыми искусствами, тогда как праздные молодые люди давно растеряли остатки сил в винном угаре и плотских утехх. Сладить с закаленными господином и слугой они никак не могли.

Не прошло и нескольких минут, как с драчунами было покончено. Линь Лан и его слуга лишь слегка привели в беспорядок платье, в то время как заносчивые господчики позорно катались по полу. К тому же молодой Линь бил изоощренно — метил туда, где синяков не видно, но боль держится дольше всего. Зал огласился жалобным стоном: поверженные противники корчились на полу, прижимая ладони к ушибленным местам.

Тут один из побитых — тот самый наглец, которого толкнули в самом начале, — незаметно подмигнул прислужнику, велел бежать за подмогой, а сам, сплевывая кровь, прохрипел:

— Да ты хоть знаешь, с кем связался? Я внук самого герцога Чжэнь! Моя семья с тебя живьем шкуру спустит!

Линь Лан небрежно отряхнул полы халата и усмехнулся:

— Плевать мне, чей ты там внук. Сейчас ты предо мной — обыкновенный паршивец, которого я проучил за глупость.

Повернувшись к хозяйке заведения, которая забилась в угол при первых же звуках схватки, он спросил:

— Во сколько обойдется забрать твою лучшую девицу на весь вечер?

— Пятьсот... пятьсот лянов чистым серебром, господин, — заикаясь от страха, пробормотала та.

Линь Лан сделал знак слуге. Тот бесстрастно отсчитал нужную сумму и вручил содержательнице борделя. Молодой человек подошел к испуганной Циньгэ и мягко взял ее за руку.

Поняв, что обидчик собирается уходить, избитый барчук злобно выкрикнул вслед:

— Что, струсил? Решил дать деру?

Линь Лан ожёг его презрительным взглядом:

— Сбегать — удел трусов, а я не из их числа. Коли приспичит поквитаться, ищи меня в поместье Жунго. Я гощу там. Мое имя — Линь Лан.

Развернувшись, он уверенным шагом направился к выходу.

Посадив Циньгэ позади себя на коня, Линь Лан устроился в седле впереди.

— Линь Цинь, веди нас в игорный дом! — бросил он через плечо. — Насилу выбрался развеяться, так ведь и тут настроение испоганили!

Слуга молча кивнул и направил коня к самому известному и роскошному заведению столицы.

Прибыв на место, Линь Лан привычным жестом увлек спутников на второй этаж, где располагались отдельные покои для знатных гостей. Здесь царила приятная прохлада — слуги не жалели льда, а столы ломились от свежих фруктов и сладостей. Обстановка пришлась молодому барину по душе, и он с азартом включился в игру.

Не прошло и двух часов, как Линь Лан не только вернул все потраченное, но и остался в изрядном выигрыше. Велев Линь Циню припрятать восемьсот лянов серебра, он щедрой рукой отсыпал сотню испуганной Циньгэ. Оставшиеся восемьсот лянов молодой человек вальяжно бросил крупье в качестве чаевых, заявив, что игра принесла ему истинное удовольствие и он непременно заглянет сюда вновь.

Разумеется, хозяева заведения втайне скрежетали зубами от досады, однако богатый наряд гостя и присутствие лучшей куртизанки Терема Алых Облаков не оставляли сомнений: перед ними важная особа. В столице говаривали: «Урони кирпич с крыши — попадешь в десятерых, из коих девять окажутся важными чинами, а десятый — императорским сродником». Рисковать и применять силу игорный дом не решился. Напротив, Линь Лана провожали с подобострастными поклонами, натянуто улыбаясь и умоляя почтить их визитом еще раз.

Выйдя на улицу, Линь Лан сощурился на солнце. Времени до вечера оставалось предостаточно, но навалилась приятная истома. Потянувшись, он распорядился:

— Линь Цинь, найми повозку. Пусть доставят девицу Циньгэ обратно в терем.

Слуга тотчас отправился исполнять приказание. Возле игорного дома всегда дежурили

извозчики в расчете на богатых игроков, готовых щедро платить за поездку в любой конец города. Уже через несколько минут карета была подана. Линь Лан галантно помог Циньгэ подняться внутрь, распрощался с ней и вместе со слугой поспешил обратно в поместье Жунго.

Молчаливый Линь Цинь, как и его собрат Линь Янь, отличался редким усердием: приказы барина они выполняли беспрекословно и без лишних расспросов. Иной характер был у Линь Мо — тот любил поразмыслить над поручением, а коли чего не понимал, непременно донимал господина расспросами. Именно поэтому Линь Лан предпочитал брать с собой для подобных прогулок молчаливых слуг, оставляя умника Мо для особых случаев.

Когда Линь Лан переступил порог поместья, сумерки еще не сгустились, и к ужину никто не собирался. Как выяснилось, в его отсутствие барышни дома Цзя вместе с гостьей из семейства Сюэ пожаловали в его двор, дабы навестить Дайюй. В комнатах все еще звенел девичий смех. Пусть Линь Лан почти не притрагивался к чаркам, от него все же слегка веяло хмелем и пудрой развлекательных заведений. Не желая смущать благородных девиц, он не стал входить в общую залу, а незаметно ускользнул в свои покои, чтобы смыть дорожную пыль и переодеться.

Однако чуткая Сюэ Баочай краем глаза заметила его возвращение. Поиграв с сестрами еще немного, она с кроткой улыбкой заметила:

— Кажется, наш двоюродный брат Линь воротился с прогулки. Отчего же он не спешит к нам? Неужто мы кажемся ему слишком шумными, или он вовсе пренебрегает обществом кузин?

Дайюй вскинула брови, подивившись такому замечанию: с какой стати брату без дела заходить на девичью половину? Впрочем, спорить она не стала и примирительно ответила:

— Брат, должно быть, просто выбился из сил. Он ведь целыми днями томится взаперти, вот и решил сегодня развеяться. Предупреждал даже, что отужинает вне дома, однако вернулся раньше времени — верный признак усталости. Так что не ищите злого умысла, сестрица Бао, он никогда не счел бы нас в тягость.

Цзя Таньчунь задорно рассмеялась:

— Мы ведь и впрямь редко видим брата Линя. Раз уж выдался случай, отчего бы тебе, сестрица, не заглянуть к нему? А мы бы пошли следом и засвидетельствовали свое почтение!

Дайюй в шутовском гневе погрозила ей пальцем:

— Говорю же тебе, он без задних ног спит! А ты все рвешься напроситься на встречу. Уж не метишь ли ты в мои...

Она вовремя прикусила язык, но выразила взглядом то, что и без слов было понятно каждой из присутствующих барышень.

Лицо Таньчунь мгновенно вспыхнуло пунцовой краской. Вскочив с места, она бросилась к Дайюй и принялась безжалостно ее щекотать, приговаривая:

— Ах ты негодница! Будешь еще молоть чепуху? Будешь?!

Дайюй, извиваясь от смеха, взмолилась:

— Пощади! Смилуйся, сестрица, не буду больше! Ох, век не забуду твоей милости!

Видя, что Дайюй уже задыхается от хохота, крошка Сичунь поспешила на выручку и ухватила Таньчунь за рукав:

— Полно тебе, сестрица, отпусти ее! Взгляни на нее — она ведь едва дышит, теперь уж точно поостережется шутить.

Таньчунь, разгоряченная веселой потасовкой, неохотно отступила:

— Ладно уж, сегодня так и быть — прощаю. Но коли еще раз позволишь себе подобное, пощады не жди, кто бы ни заступался!

Дайюй, едва переведя дух, лукаво сощурилась:

— Ой ли? В следующий раз я и слова про брата не скажу... заговорю сразу о твоём суженом!

Таньчунь взвизгнула и вновь бросилась в погоню. Девицы с визгом и смехом принялись бегать друг за другом вокруг столов и кресел, уворачиваясь от рук подруг, которые то и дело шутливо подталкивали беглянок.

Тем временем Линь Лан, успевший омыться холодной водой и переодеться в свежий домашний халат, прислушался к доносившимся из соседнего флигеля звонким голосам.

— Все еще резвятся? — спросил он, принимая из рук служанки чашку.

— И не думают расходиться, молодой господин, — улыбнулась Хэлэ.

Линь Лан кивнул и, усаживаясь в кресло, поинтересовался:

— К Юй-эр сегодня приходили портные снимать мерку?

Хэцзя, бережно опустив пиалу с ароматным отваром на столик, ответила:

— Да, сударь, наведались спозаранку.

— Желаете пройти и взглянуть, как продвигаются дела? — спросила Хэхуань.

Линь Лан сделал глоток и усмехнулся:

— К чему мне, взрослому мужчине, вторгаться в девичьи покои, да еще когда они так весело резвятся? А этот... драгоценный барчук тоже там вертится?

Хэжу со вздохом покачала головой:

— Был давеча. Пробыл, правда, недолго — его вскоре приказали позвать к старшим. Мы-то пытались не пускать его во двор, да где там... Разве его удержишь?

— Понятно, — задумчиво протянул Линь Лан.

В мыслях его шевельнулась досада.

«Эх, надобно как можно скорее подыскать для Юй-эр строгую, толковую кормилицу из благородных. Такую, перед которой даже здешние баловни будут робеть».

Между тем Хэжу заговорила о наболевшем:

— Кормилица Ван упорствует. Мало того что не желает повиноваться, так еще и грозитя ослабить наше семейство на всю округу. Твердит на каждом углу, будто господа из дома Линь измываются над пожилой служанкой, которая некогда выкормила молодую барышню.

Линь Лан издал короткий презрительный смешок:

— Вот как? И что же ее родичи?

— Пока руки до них не дошли, — Хэжу озабоченно нахмурилась.

Линь Лан устремил на нее холодный, пронизательный взор:

— На тебя не похоже, Хэжу. К чему эти лишние нежности? Коли слуги отбились от рук, напои их зельем немоты, да и дело с концом. А если грамоте обучены и кляузы строчить горазды — сделай так, чтобы пальцы больше пера держать не могли.

Услышав эти слова, Хэлэ внутренне содрогнулась.

«Какое счастье, что я ни в чем не провинилась перед господином... Он все такой же беспощадный. Впрочем, со мной-то он так не поступит... верно?»

Хэцзя заметила, как подруга побледнела и ушла в свои мысли. Покачивая головой, она незаметно потянула Хэлэ за рукав, увлекая прочь из покоев. Линь Лан приметил это мимолетное замешательство, но промолчал. Тех, кто служил ему без должного рвения и витал в облаках, он безжалостно сменял — это было лишь вопросом времени.

Хэцзя прекрасно понимала ход мыслей хозяина. Прежде, когда молодая барышня жила вдали от дома, Хэлэ, будучи ее сверстницей, невольно пользовалась особым расположением Линь Лана — тот видел в ней черты любимой сестры. В мелких шалостях ей всегда попускалось, отчего девица незаметно для себя возгордилась и преисполнилась спеси. Но теперь, когда они прибыли в столицу и господин окружил настоящую Дайюй неистовой заботой, Хэлэ уязвленно притихла, начав завидовать безраздельному вниманию к молодой хозяйке. Коли глупышка не опомнится в ближайшее время, Линь Лан без раздумий укажет ей на дверь.

Хэхуань разделяла эти опасения. Рожденный служить никогда не встанет вровень с господами, как бы высоко ни взлетал в своих мечтах. Если Хэлэ не выкинет из головы вздорные мысли и наделает глупостей, пощады от Линь Лана ей ждать не придется.

Заметив, как притихли прислужницы, Линь Лан лишь покачал головой.

«Должно быть, пекутся о судьбе Хэлэ. Ну что за преданные души... Как-никак, она преданно служила мне долгие годы. Если не сотворит явного безумства, я не стану гнать ее вназад».

Молодой человек отличался редкой строгостью к самому себе, а к окружающим — и подавно. Ныне Хэлэ просто запуталась в собственных чувствах. Но коли туман в ее голове не рассеется в ближайшее время, он переведет ее на другую службу, подальше от своих глаз. Свою участь она решит сама.

— Брат, спаси меня! — с залихватским смехом Дайюй влетела в его покои. Сзади, едва не наступая ей на пятки, ворвалась запыхавшаяся Таньчунь.

— Думаешь, укроешься за спиной брата Линя — и спасена? Как бы не так!

Линь Лан от неожиданности вздрогнул, едва не выронив пиалу с горячим чаем. Поспешно перехватив посудину, он уставился на незваных гостей. Дайюй тем временем ловко юркнула ему за спину и, выглядывая из-за плеча, дразнила преследовательницу:

— Ну же, попробуй заведи!

Таньчунь, хоть и привыкла без стеснения общаться с кузеном Баоюем, перед Линь Ланом испытывала невольную робость. Напрямик бросаться к его креслу она не посмела и лишь сердито приотпустила ноги:

— Негоже прятаться за чужими спинами, сестрица Линь! А ну, выходи на честный бой!

К этому времени у дверей столпились остальные барышни. Сюэ Баочай мягко увлекла Таньчунь назад:

— Полно вам дурачиться, сестрицы. Не ровен час, потревожите двоюродного брата Линя своими криками.

С этими словами она учтиво склонила голову, приветствуя Линь Лана. Тот с безупречной улыбкой ответил легким поклоном.

Заметив это мимолетное безмолвное приветствие, Дайюй лукаво прищурилась:

— Ах, сестрица Бао! А кто же минуту назад громче всех сокрушался, что не видит моего дорогого брата?

Щеки Баочай мгновенно окрасились нежным румянцем. Она шутливо надула губы:

— Вот уж воистину неблагодарная! Отныне и пальцем не пошевелю, дабы оградить тебя от гнева Таньчунь.

Поняв, что лишилась заступницы, Дайюй притворно испугалась и сложила ладони в умоляющем жесте:

— Ой, сестрица, виновата! Смилуйся над грешной, бес попутал!

Цзя Сичунь весело захлопала в ладоши:

— Вот так диво! Оказывается, наша язвительная сестрица Линь боится сестрицы Бао! Отныне

чуть что — будем звать ее на подмогу, пусть держит тебя в узде!

Девичий хохот эхом раскатился по комнате. Наконец Линь Лан, решив вмешаться, поднялся с кресла:

— Полно вам, прелестные кузины. Позвольте мне выступить в роли мирового судьи и примирить враждующие стороны. День выдался на редкость знойным, посему предлагаю отложить распри и отведать студеного компота из копченой сливы. Он и жажду утолит, и душевное волнение уймет.

Таньчунь лукаво фыркнула:

— Какие еще две стороны? Вы с сестрицей Линь — одна семья! Начнись суд, ты непременно вынесешь приговор в ее пользу. Но так и быть, ради прохладного угощения я готова сменить гнев на милость и даровать ей прощение.

Линь Лан шутливо поклонился:

— Премного благодарен вашей судейской милости за снисхождение! Хэцзя, чего стоишь? Живее неси угощение для дорогих гостей.

От его напускной угодливости барышни рассмеялись с новой силой.

Хэцзя почтительно поклонилась и увлекла Хэхуань за собой. Спустя мгновение они воротились, бережно неся на подносах чаши с темным, подернутым морозной дымкой напитком. Расставив угощение перед гостями, служанки бесшумно отступили к стене и замерли, готовые исполнить любое приказание.

Рассевшись вокруг стола, барышни принялись с наслаждением пить прохладный напиток. Сичунь, пригубив из чаши, с любопытством спросила:

— Брат Линь, те диковинные безделушки, что ты привез нам в подарок, на редкость забавны. Вот только с парой игрушек мы так и не сумели разобраться — расспрашивали всех слуг, да никто ума не приложит, как с ними управляться.

Линь Лан мягко улыбнулся:

— Коли возникнут трудности, милая сестрица, смело неси их ко мне. Я почти всегда дома, так что с радостью покажу тебе все хитрости.

Сичунь просияла от радости. Вдруг ее взгляд упал на стену, где красовался изящный свиток с четырьмя иероглифами: «Счастье всей семье». Она залюбовалась плавными, уверенными росчерками туши:

— До чего же дивный почерк! Брат, чья кисть вывела эти строки? Я давно мечтаю украсить свою девичью обитель надписью «Шесть чувств не осквернены», да только как ни бьюсь, выходит криво и неказисто.

Сюэ Баочай тихонько рассмеялась, прикрыв рот шелковым платком:

— Глаза тебя подводят, сестрица Сичунь. Взгляни-ка пониже — там ведь красуется подпись мастера!

Молчаливая доселе Цзя Инчунь поднялась со своего места, подошла ближе к свитку и, приглядевшись, улыбнулась:

— И впрямь! Глядите, тут начертано: «Старец Юанькун, двенадцатого дня десятой луны».

С тех пор как Линь Лан поселился в поместье, Сичунь прониклась к нему искренним расположением. Он был умен, хорош собой и души не чаял в Дайюй, посему младшая барышня стала видеть в нем настоящего заботливого старшего брата. За то время, пока Линь Лан оправлялся от дорожной хвори, она навещала его ежедневно и успела совсем освоиться. Доверчиво потянув кузена за край длинного рукава, она взмолилась:

— Дорогой брат, а не поможешь ли ты мне отыскать этого почтенного старца Юанькуна? Быть может, он согласится начертать свиток и для меня?

Не успел Линь Лан и слова вымолвить, как вмешалась Сюэ Баочай:

— Полно тебе, четвертая сестрица, не ставь двоюродного брата Линя в неловкое положение. Мне тоже доводилось слышать о старце Юанькуне. Это великий мастер кисти из Гусу, прославивший затворником. Говорят, он не соглашается писать даже за груды золота.

Сичунь заметно приуныла. Дайюй же, с лукавой улыбкой разглядывая свиток, без труда узнала летящий почерк брата.

— Спешу тебя обрадовать, сестрица, — рассмеялась она. — Пусть сей благородный старец и прославился в Гусу, ныне его пути пролегли напрямик через столицу.

Линь Лан понял, что сестра вывела его на чистую воду. Препятствовать ей он не стал — лишь заговорщически улыбнулся и неторопливо взмахнул веером.

— Как так? — изумилась Таньчунь. — Неужто тебе, сестрица Линь, ведомо его имя?

— И мне ведомо, и вам всем отлично знаком этот господин, — загадочно ответила Дайюй.

Сичунь нетерпеливо затеребила ее за ладонь:

— Хорошая моя, ну не томи, поведай тайну!

Дайюй не выдержала натиска и, весело рассмеявшись, указала на Линь Лана:

— Ищите ветра в поле, а мудрец-то — прямо перед вами!

Все изумленные взоры обратились на молодого человека.

— Брат Линь?! — в один голос выдохнули барышни.

Линь Лан с негромким щелчком захлопнул веер и развел руками:

— Повинен, каюсь. Сей недостойный и есть тот самый старец. Не кручинься, четвертая сестрица, я с радостью выведу для тебя заветные слова и пришлю свиток, как только просохнет тушь.

Сестры взирали на него с нескрываемым восхищением. Линь Лан лишь смущенно улыбнулся:

— Мой наставник согласился обучать меня лишь потому, что разглядел в моих скромных мазках каплю божественной искры.

Только теперь барышни до конца осознали, какими талантами наделен их кузен. В глазах же Сюэ Баочай вспыхнул такой горячий, плотоядный интерес, что стоявшая неподалеку Хэцзя невольно поморщилась от презрения. Служанки дома Линь прежде полагали, что девица Сюэ, хоть и происходит из купеческого звания, наделена врожденным благородством и скромностью. Ныне же ее нескрываемое кокетство выдавало натуру расчетливую и лишенную девичьего достоинства.

Молодые люди поболтали еще некоторое время, пока от Старой госпожи Цзя не прислали служанку с известием, что ужин подан. Барышни послушно зашуршали шелковыми юбками и поспешили откланяться. Шумная гурьба покинула флигель, и в опустевшем дворе воцарилась долгожданная вечерняя тишина.